

В.В.Разуваев

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СМЕХОВАЯ СТИХИЯ В РОССИИ

Природа политического смеха, безусловно, является производной от смеха вообще. Поскольку, судя по всему, смех появился раньше, чем власть, государство и политика, то рождение политической смеховой стихии либо совпадает с появлением политики, либо хронологически следует за ней. Таким образом, политический смех в России родился, видимо, более 1000 лет назад, хотя утверждать это сколько-нибудь доказательно невозможно из-за отсутствия соответствующих источников.

Исследования смехового мира предпринимались Платоном, Аристотелем, Р.Декартом, Т.Гоббсом, Ж.-Ж.Руссо, Дж.Локком, И.Кантом, А.Шопенгауэром, Г.Гегелем, А.Бергсоном, З.Фрейдом. В России наиболее солидные работы по данной проблематике были написаны М.Бахтиным, Д.Лихачевым, А.Луком, А.Панченко, Н.Понырко. Однако современный политический смех в поле зрения ученых пока практически не оказывался. Единственное исключение – монография А. Дмитриева¹.

¹ Дмитриев А.
Социология политического юмора.
Очерки. М., 1998.

Необходимо уточнить, что, несмотря на имеющиеся исследования смехового мира, до сих пор никем не рассматривалась смеховая часть политической культуры вообще и политической культуры России в частности. Между тем смеховая часть политической культуры – это реальность, с которой постоянно сталкивается каждый причастный к политике человек. И российский человек не исключение.

Уместно в инструментальных целях данного исследования выдвинуть гипотезу, что смеховая стихия существует в рамках триединства «комическое – юмор – смех». При этом каждая из составных частей действует лишь при условии функционирования двух других. Иными словами, комическое проявляется и существует только тогда, когда его пытаются (успешно или нет – другой вопрос) обыграть в юмористических целях, что вызывает смеховую реакцию у аудитории.

Рассматривая соотношение между комическим и смехом, Й.Хейзинга отмечал: «Что справедливо для смеха, справедливо и для комического. Комическое также подпадает под «несерьезное», оно определенным образом связано со смехом, оно возбуждает смех»². В этом замечании, безусловно, содержится не только зерно истины, но и зерно противоречий, которые связаны с теоретическим осмыслением природы смеховой стихии вообще и политической смеховой стихии в частности.

² Хейзинга Й. *Homo ludens. В тени завтрашнего дня.* М., 1992. С. 15

**Природа
политического
смеха**

Верно ли, что политически комическое возбуждает смех, иными словами, является необходимой предпосылкой смеховой стихии? Отметим в этой связи, что комическое не существует без отражения его в рамках иронии, шутки, юмора в целом, т.е. для создания политической смеховой стихии необходимо увидеть комическое в политической реальности. Причем – и это положение носит в данном контексте фундаментальный характер – далеко не всегда комическое существует безусловно. Во второй половине 1998 г. российские политические круги активно обсуждали несколько антисемитских высказываний депутата Государственной Думы А.Макашова. Общественность была встревожена, протесты сыпались градом, СМИ заговорили о растущей опасности ксенофобии в России, депутат нижней палаты И.Кобзон отказался участвовать в заседаниях до тех пор пока Макашов не извинится. Б.Березовский в этой атмосфере реанимировал свою идею о необходимости запрета компартии. Иными словами, ничего комического в этом эпизоде никто из ведущих политиков не увидел.

Единственным исключением оказался красноярский губернатор А.Лебедь. На одном из брифингов он заявил, что осуждает высказывания Макашова. Однако, по его словам, КПРФ не следует запрещать, поскольку «каждая партия имеет неотъемлемое право иметь своих дураков, которые время от времени поднимают хай, отвлекая общество от насущных проблем»³. В результате комическое неожиданно было обнаружено там, где прежде все видели только серьезное.

Вернемся к утверждению Хейзинги о том, что «комическое... подпадает под “несерьезное”». Совершенно очевидно, что заявления Макашова были, с его точки зрения, апофеозом «серьезности» и никоим образом не могли восприниматься в рамках смеховой стихии. Способность увидеть комическое в серьезном и соответствующим образом трансформировать ситуацию, дабы вызвать если не смех, то хотя бы усмешку у аудитории, – необходимая часть политического юмора. Последний в своей безбрежной экспансии не щадит не только относительно нейтральные части «серьезного», но и захватывает то, что при нормальных обстоятельствах считалось бы драматическим и даже трагическим.

К концу жизни и своего правления генеральный секретарь ЦК КПСС Л.Брежнев был очень болен и не всегда адекватно реагировал на ситуацию. Вот история его выступления на XVI съезде Компартии Чехословакии. «Генеральный секретарь, – пишет его телохранитель В.Медведев, – перепутал листки и вместо рассказа о положении в Польше стал повторять уже прочитанные строки. С ответной речью выступил Гусак. Говорил на родном языке, но закончил так: “А сейчас, Леонид Ильич, я скажу по-русски. Мы очень рады, что вы приехали на наш съезд. Большое вам спасибо!” Брежнев вдруг повернулся к переводчику и громко, с обидой спросил: “А ты почему мне не переводишь?”»⁴. Этот эпизод совершенно не смешон по общепринятым меркам современного человеческого общежития с характерным

³ Независимая газета. 12.12.1999.

⁴ Медведев В. Человечество за спиной. М., 1994. С. 101–102.

для него уважением к старости и вызванной ею немощи. Но только не в контексте политического смеха. Не случайно одним из самых популярных анекдотов конца 70-х – начала 80-х годов был следующий: «Звонят в дверь. Брежнев подходит, достает из кармана бумагу и читает: “Кто там?”».

Согласно одному из распространенных определений, «смех включает в себе разрушительное и созидательное начала одновременно. Смех нарушает существующие в жизни связи и значения. Смех показывает бессмысленность и нелепость существующих в социальном мире отношений: отношений причинно-следственных, отношений, осмысливающих существующие явления, условностей человеческого поведения и жизни общества. Смех “оглуляет”, “вскрывает”, “разоблачает”, “обнажает”. Он как бы возвращает миру его изначальную хаотичность. Он отвергает неравенство социальных отношений и отвергает социальные законы, ведущие к этому неравенству, показывает их несправедливость и случайность»⁵.

Однако смех не только разрушает, но и создает. С точки зрения авторов определения, он «имеет и некое созидательное начало – хотя и в мире воображения только. Разрушая, он строит и нечто свое: мир нарушенных отношений, мир нелепостей, логически не оправданных соотношений, мир свободы от условностей, а потому в какой-то мере желанный и беспечный»⁶. Вместе с тем большинство имеющих данные о рассматриваемом предмете свидетельствует о том, что созидательные функции политического смеха отнюдь не исчерпываются тем, что он устанавливает некий виртуальный мир выдуманных и искаженных отношений.

Между тем, как представляется, политическая смеховая стихия не столько искажает мир политического, сколько цементирует его, действуя по вполне ясным и четким законам последнего. Едва ли кому-нибудь придет в голову, например, отрицать роль острословия в политической смеховой стихии. Исполнявший обязанности премьер-министра В.Черномырдин заявил 3 сентября 1998 г.: «Всего только пять месяцев прошло со времени моей отставки, а впечатление такое, что по стране Мамай прошел». В этих словах содержится и очевидная претензия на пост премьера, который ему только предстояло добыть путем торгов с Государственной Думой, и заявка на нечто большее, пусть и в будущем, – избрание президентом России. И то и другое оказалось в то время неприемлемым для подавляющего большинства политического сообщества. Не удивительно поэтому, что 4 сентября саратовский губернатор Д.Аяцков на заседании Совета Федерации во всеуслышание заявил (и телевидение это старательно транслировало): «Мамай уже прошел по России. Я считаю, что это был Черномырдин. Надо сделать все, чтобы Мамай не вернулся в Россию».

Другой пример острословия продемонстрировал в те же дни Ю.Лужков. Добивавшийся поддержки Советом Федерации своей кандидатуры на пост главы правительства Черномырдин на заседании

⁵ Лихачев Д.С.,
Панченко А.М.,
Понырко Н.В.
Смех в древней Руси.
М., 1984. С. 3.

⁶ Там же.

верхней палаты начал упрекать Е.Строева и Лужкова в нарушении политического соглашения, когда во время встречи с президентом они выразили готовность поддержать его кандидатуру на пост премьера, а потом изменили позицию: «Меня же с улицы взяли, и президент предложил. Так мы же втроем были у президента. Вы же вдвоем – Строев и Лужков – не просто поддержали. Я же после ваших слов подумал: “Как же меня любят”». Лужков в ответ заявил следующее: «Президент нам сказал: “Я вас прошу, я обращаюсь к вам с просьбой не вступать в конфронтацию с премьером”». Мы с Егор Семеновичем Строевым очень дружно ответили, что с премьером конфронтировать мы не будем».

Приведенные примеры, безусловно, соответствуют тому, что выше было названо смеховой политической стихией. Однако в них нет ни искажения реального мира, ни создания мира нарушенных отношений, мира нелепостей, логически не оправданных связей. Политический смех в данных случаях (и не только в них) – неотъемлемая часть политики, какой она является в современных обществах, обязательный элемент функционирования демократической политической системы. В большинстве выступлений западных политиков практически в обязательном порядке присутствуют шутки и анекдоты, провоцирующие ответную реакцию у аудитории. А журналисты вполне могут, подобно телеведущему С.Кучеру, небрежно отозваться об исполняющем обязанности главы правительства: «Сейчас на безрыбье и Черномырдин премьер».

Юмор используется во время предвыборных кампаний. В России, правда, это происходит реже, чем в западных странах. Однако можно вспомнить известные частушки, транслировавшиеся по телевидению в рамках предвыборной раскрутки «Партии экономической свободы» К.Борового («Лысый дядя на плакате руки домиком сложил...»), а также политические эскапады в адрес конкурентов Б.Федорова.

Впрочем, политическому смеху не чужды и тоталитарные, и авторитарные общества. Другое дело, что, например, при И.Сталине в России официально «били смехом» «отдельные недостатки», «врагов народа» и «империалистическую политику». Своеобразный образец соответствующего юмора был продемонстрирован Е.Примакову высшим руководством Ирака. В 1990 г. он в качестве специального представителя М.Горбачева прибыл на встречу с иракским президентом, дабы попытаться найти компромисс и убедить его вывести войска из Кувейта. Примаков пишет в своих мемуарах, что был удивлен, увидев Саддама «в окружении всех членов Совета революционного командования Ирака».

– Я хочу, чтобы ты видел, – сказал он в ответ на мой недоуменный вопрос, – что среди иракского руководства есть не только ястребы, но и голуби.

На мою реплику о том, что предпочел бы иметь дело только с голубями, отреагировал вице-президент Рамадан:

Примаков Е. М. Годы в большой политике. М., 1999. С. 308–309.

– Тогда придется нам всем уйти отсюда, оставив вас наедине с нашим любимым лидером»⁷.

Политический смех присутствует не только во властной иерархии, он отнюдь не чужд и основной массе общества. Так, на митинге протеста 7 октября 1998 г. в Томске большинство лозунгов и транспарантов было адресовано президенту, начиная от категоричных и серьезных, типа: «Президента – в отставку!» до ернического «Президент Ельцин Боря – российское горе!». Еще более активно «народный смех» проявляется в анекдотах («Если Юрий Лужков станет президентом, то через пару-тройку лет вокруг России будет отличная кольцевая дорога»).

⁸ Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. С. Указ. соч. С. 3.

Едва ли можно согласиться с утверждением, что психологически смех снимает с человека обязанность вести себя в соответствии с существующими в данном обществе нормами⁸. Его авторы недостаточно учитывают тот факт, что смех сам является общественной нормой. Без него невозможно представить жизнь человеческого общества. Смех существовал в рабовладельческом и феодальном государствах, является неотъемлемой нормой жизни в демократиях и при тоталитаризме.

⁹ Дмитриев А. Указ. соч. С. 12.

По определению Дмитриева, политический юмор «является реакцией (иногда неадекватной) на слишком большую концентрацию власти в обществе, он, следовательно, служит примером своеобразной сублимации агрессии и, следовательно, относительно безопасным высвобождением накопившейся агрессивности по отношению к высшей власти. Именно эта власть, и это ее естественная природа, рождает институты, стремящиеся наложить на общество те или иные запреты. И люди, естественно, ищут любые формы сопротивления авторитарным поползновениям, и, разумеется, юмор не самая худшая из этих форм»⁹. На мой взгляд, утверждение Дмитриева о том, что политический юмор направлен исключительно на власть, да и вообще является своеобразным порождением власти, по крайней мере спорно. В равной степени это относится и к тому, что юмор является только «формой сопротивления авторитарным поползновениям».

Политический смех не ограничивается только отношением общества к власти, а охватывает практически все стороны политики и политической культуры. При этом политические предпочтения граждан не являются определяющими в индивидуальном выборе направленности смеха. Последний существует, главным образом, в контексте идущих от среды информационных потоков. В коммунистическом прошлом России большинство населения долгое время разделяло официальную идеологию. Одновременно значительная часть политического юмора была посвящена правящей партии и ее лидерам. При Н. Хрущеве и Брежневле анекдоты о них рассказывали (или во всяком случае слушали) все или почти все, причем независимо от степени веры в торжество коммунистических идей.

На этом фоне закономерным представляется, что сами лидеры и их ближайшее окружение также не оставались в стороне от общего по-

тока политических анекдотов и политического юмора. Как-то на пленуме ЦК КПСС академик Н.Иноземцев выступил с критикой монополии на внешнюю торговлю. Не государства, естественно (священная королева неприкасаема), а министерства внешней торговли. Партийная верхушка встретила его речь с неодобрением. А вот, как пишет Примаков, «бессменный помощник нескольких генеральных секретарей, безусловно очень остроумный, едкий человек, А.М.Александров-Агентов сказал Иноземцеву: “Николай Николаевич, после вашего выступления стало ясно, что мы стоим перед дилеммой: либо нужно выводить из ЦК интеллигентов, либо делать ЦК интеллигентным”»¹⁰.

¹⁰ Примаков Е.М.
Указ. соч. С. 28.

При любом типе политического режима среда оказывает только вероятностное воздействие на направленность политического юмора. Даже в сталинских лагерях, где имело место относительное уравнивание социального положения политических заключенных, смеховая стихия не была однородной. В 1930-е годы кулаки и члены оппозиционных группировок в ВКП(б), в конце 1940-х годов твердолобые коммунисты и украинские и прибалтийские националисты каждый по-своему реагировали на одни и те же шутки (при всем страхе перед доносом и последующими карами со стороны администрации не реагировать на них было невозможно).

В это же время на воле различные категории политически активных граждан абсолютно по-разному относились, например, к следующему анекдоту: «Сталин просит Радека рассказать короткий анекдот. Тот соглашается и говорит: “Сталин – генеральный секретарь”». Троцкисты, наверняка, громко смеялись, сторонники «генеральной линии партии» не видели почвы для юмора. И это при условии, что обе категории граждан находились в одной и той же социальной среде, разделяли в принципе одно и то же мировоззрение и в равной степени готовы были бороться за победу коммунизма на всей планете.

Политический смех часто имеет сложный характер. Так, президент Ельцин обещал лечь на рельсы, если цены в стране поднимутся, и одновременно собирал под свои знамена экономистов неolibеральной школы, выступавших за шоковую терапию. Спустя несколько лет над этим начали смеяться. Он отправил в отставку опытного и преданного ему премьера только для того, чтобы через пять месяцев попытаться вернуть его обратно. 14 августа 1998 г. Ельцин заявил, что рублю не грозит девальвация, а уже 17 августа все произошло как раз наоборот. Здесь мы имеем дело с «ситуационным смехом». Правда, для российских граждан острота проблем во всех описанных случаях была такова, что эти факты вряд ли могли вызвать смех. Впрочем, со временем данные ситуации могут показаться смешными и в России.

Примечательно, что аналогичное положение с политическим смехом наблюдалось и в советские времена. Скажем, как-то первый секретарь ЦК КПСС Хрущев, рассматривая фотографию К.Аденауэра, обратил внимание на выдающиеся скулы и чуть раскосые глаза

германского канцлера и спросил: «Он что, татарин?» Этот вопрос вызвал смятение у помощников советского лидера, и те обратились с запросом в КГБ и министерство иностранных дел. Там, уточнив ситуацию, ответили, что Аденауэр в 1917 г. попал в автомобильную катастрофу и сломал челюсть, которая неправильно срослась¹¹. Сомневаюсь, впрочем, чтобы эта ситуация в силу ее конфиденциальности была широко известна в ту пору и потому вызывала смех в советском обществе. Однако в данном случае мы имеем дело со «смехом отложенным» – то, над чем из осторожности не смеялись в 50-е годы, стало смешным в постсоветское время. Да и то лишь после обнаружения этих курьезов в печати.

Российские лидеры вообще умели и умеют создавать – зачастую произвольно – комедийные ситуации. Смеховой мир российской политики был бы скуден без эпизодов с их участием. Это становилось правилом, когда руководители партии и государства достигали преклонного возраста. Вот Хрущев описывает странное поведение постаревшего Сталина, который «говорил нам в узком кругу, что подозревает Ворошилова как английского агента... А Молотова он как-то “заподозрил” в моем присутствии. Я находился на даче у Сталина, кажется в Новом Афоне. И вдруг ему взбрело в голову, что Молотов является агентом американского империализма, проданся американцам, потому что в 1945 году ездил через США, по делам ООН, в железнодорожном салон-вагоне. Значит, имеет свой вагон, проданся!»¹². Это было совсем не смешно тогдашним действующим лицам, однако описанный эпизод в основе своей имеет отчетливое комедийное начало, причем главным участником является сам вождь СССР и мирового пролетариата.

В современной российской прессе существует целая индустрия, эксплуатирующая оговорки и словесные неточности отечественных политиков путем их регулярной перепечатки. Знаменитое черномырдинское «хотели как лучше, а получилось как всегда» вошло, видимо, в классику российского политического смеха. В этом отношении Черномырдин, безусловно, вне конкуренции. Вот он, будучи председателем правительства, выступает на пресс-конференции со следующим заявлением: «То, что я делаю, я делаю это сознательно, открыто и при том я это делаю не потому, что моя правая или левая рука, я делаю, я возглавляю правительство и делаю это на правительстве»¹³. Даже А. Чубайс, который вообще-то отличается достаточно высокой культурой слова, не был чужд оговоркам. «Я нормальный человек. Понимаю, в это трудно поверить, но уж поверьте», – сказал однажды тогдашний первый вице-премьер в телеинтервью.

Наконец, следует отметить, что грань между смехом бытовым и смехом политическим бывает довольно тонкой и зачастую не является непреодолимой. К концу 80-х и особенно в 90-х годах на Украине получил большую популярность анекдот о том, как русский и украинец нашли клад и решили его поделить. «“Давай разделим его по-

¹¹ Гриневский О. Тысяча и один день Никиты Сергеевича. М., 1998. С. 24.

¹² Хрущев Н.С. Воспоминания. Избранные фрагменты. М., 1997. С. 263.

¹³ Профиль. 23.03.1998. С. 38.

братски», – предложил русский. «Нет, давай поровну», – ответил украинец». В принципе относящийся к категории межэтнических отношений, этот анекдот стараниями местных политических кругов и прессы приобрел отчетливое политическое значение и активно используется в формировании украинского общественного мнения.

Другой пример перерастания бытового юмора в политический был продемонстрирован на переговорах российского министра иностранных дел Примакова с президентом США Б.Клинтоном и государственным секретарем У.Кристофером. Желая закончить непросто сложившуюся встречу на оптимистической ноте, Примаков, как он пишет в мемуарах, рассказал анекдот: «Курицу спросили о самом большом достижении в ее жизни. «Снесла яйцо весом 5 килограммов», – сказала она. «А каково главное желание?» «Снести яйцо весом 7 килограммов». На аналогичный первый вопрос петух ответил: «Подруга-курица снесла 5-килограммовое яйцо». «А твое самое большое желание?» «Набить морду страусу»».

Казалось бы, чисто бытовой анекдот без всякой политики. Но вот в беседе следует неожиданный поворот, превращающий смех в политический, да еще остроактуальный: «Все рассмеялись. А президент, обращаясь к Олбрайт, со смехом спросил: «Это не про меня?»»¹⁴.

¹⁴ Примаков Е.М. Указ. соч. С. 258.

**О генезисе
смеховой
политической
культуры
в России**

Характер нынешней политической смеховой культуры России в значительной степени определяется ее генезисом. Между тем специфическая сторона российской культуры состоит в том, что в ней с давних пор была официально исключена повсеместность смеха. Еще в досоветское время существовало табу на официальный политический смех и любую критику в адрес трех поколений царствующих персон, православия и господствующей идеологии. При советском строе табу распространялось на правящую партию, действующих вождей, канонизированных умерших политиков, коммунистическую идеологию и некоторые другие стороны действительности.

Поскольку общество не может обойтись без политического смеха, то последний либо перемещается в плоскость народной смеховой культуры, либо отесняется на периферию культуры официальной, дозволенной. Что касается первого случая, то еще во времена Древней Руси бытовали образцы средневекового смеха. «В древнерусском смехе, – писал Лихачев, – есть одно загадочное обстоятельство: непонятно, каким образом в Древней Руси могли в таких широких масштабах терпеться пародии на молитвы, псалмы, службы, на монастырские порядки и т.п.»¹⁵.

¹⁵ Лихачев Д.С., Панченко А.М., Поньрко Н.В. Указ. соч. С. 8.

Позже образцы антимонархического и антицерковного смеха можно было найти в сказках, частушках и прочих образцах народного юмора. Данные формы творчества настолько устоялись, что переросли в демократическую сатиру, образцы которой в XVII в. представляли «Служба кабаку», «Праздник кабацких ярыжек», «Калязинская челобитная», содержащие пародии на церковные песнопения и молитвы,

в том числе такую священную, как «Отче наш». Данные образцы творчества официально не запрещались, а их создатели не преследовались. Иными словами, несмотря на жесткие ограничения, народный смех в России допускался даже в формах, которые могли показаться (и зачастую казались) богохульными.

Однако прямые параллели между европейским средневековьем, Древней Русью и коммунистическим строем при некоторых внешних совпадениях, по-видимому, все-таки невозможны. В первом случае «самая эта исключительная односторонняя серьезность официальной церковной идеологии приводила к необходимости легализовать вне ее, то есть вне официального и канонизированного культа, обряда и чина, вытесненные из них веселость, смех, шутку. И вот рядом с каноническими формами средневековой культуры создаются параллельные формы чисто смехового характера»¹⁶. При коммунистической системе ничего подобного не допускалось. Бессмысленно представлять, например, советский аналог «праздника дураков», на котором гротескно искажались различные церковные обряды и символы путем перевода их в материально-телесный план. Невозможно представить даже неофициальное разрешение пародий на партийные собрания низовых организаций, не говоря уже о высмеивании съездов или пленумов ЦК КПСС (знаменитое райкинское «Как учит нас партия, газы при нагревании расширяются» является пусть и блестящим, но все же исключением).

¹⁶ Там же. С. 83.

Поскольку смеховая стихия не может быть ограничена определенными рамками, то при сталинизме она была вытеснена не в дозволенную неофициальную, как во времена средневековья, а в недозволенную неофициальную область (анекдоты, некоторые блатные песни). При этом нарушителям канонов угрожало уголовное наказание, т.е. недозволенный политический смех принадлежал к категории преследуемого государством. Однако уже при Хрущеве «внутриполитический» смех прорвался в недозволенную, но и не преследуемую в уголовном порядке сферу (по слухам, чрезмерно болтливый язык мог стоить его обладателю карьеры, что в определенной степени возможно и в развитых демократических государствах). Эта традиция сохранилась и при последующих лидерах партии и страны.

Внутрипартийная борьба в высших эшелонах ВКП(б) нашла отражение в ряде специфических проявлений политического смеха. С известным своей язвительностью К.Радеком предание связывает следующий эпизод. В разгар борьбы против троцкизма и лично Л.Троцкого К.Ворошилов упрекнул Радека в том, что тот всего лишь «хвост у Троцкого». Радек ответил почти эпиграммой: «Лучше быть хвостом у Льва, чем задницей у Сталина».

Попытки при Сталине влиять на направленность политического смеха путем отправки «смехачей» в лагеря, конечно, наводили ужас, однако – и это весьма показательно – зубоскальство не прекратилось. Правда, сам «вождь народов» при жизни в анекдотах упоминался ис-

ключительно редко. Зато после его смерти это табу оказалось снято. Невозможность открытой критики властей приводила к появлению анекдотов типа «Человек, написавший на Кремлевской стене “Хрущев – дурак”, получил 15 суток за хулиганство и 5 лет за разглашение государственной тайны». Вероятно, политический юмор настолько глубоко укореняется в генах народа, что истребить его невозможно ни репрессиями, ни страхом.

По моим наблюдениям, значительная часть подобных анекдотов носит международный характер. Скажем, существует известный анекдот о том, как некий памятник просит второе лицо государства (в советской версии 1970-х – А.Косыгина) привести ему коня. Удивленный странной просьбой политик приводит с собой первое лицо (Брежнев) и слышит: «Мне нужен конь, а не осел». Аналогичные анекдоты я слышал (с другими, разумеется, именами героев) от колумбийцев, французов и перуанцев. А историю насчет разглашения государственной тайны – от англичан, французов, ирландцев, американцев.

Сейчас анекдотов стало гораздо меньше, чем в советское время. И среди них значительно меньше действительно остроумных (датированное 1991 г. «сообщение ИТАР-ТАСС»: «Сегодня президент России Борис Николаевич Ельцин, как всегда, прибыл на работу на простом автобусе. На остановке его встречали Руцкой, Хасбулатов и Бурбулис»). Наверное, это снижение количества и качества – знамение времени, и мы все-таки, несмотря ни на что, находимся на пути к демократии.

В досоветское время жесткие запреты на официальный политический юмор приводили к тому, что смеховая стихия перемещалась на периферию «дозволенной» литературы. Параллельно процветал эзопов язык. Не случайно одним из ведущих писателей был мастер политической сатиры М.Салтыков-Щедрин. Эта традиция унаследована советской эпохой, разве что смех стал еще более сложным и закодированным. Образцы такого кода дает, например, известная «сказка для взрослых» братьев Стругацких «Понедельник начинается в субботу».

Еще одна особенность российской политической культуры советского и советского периода состоит в серьезности тона, что в определенной степени соответствует традициям средневекового мира, описанного Бахтиным следующим образом: «Смех в средние века находился за порогом всех официальных сфер идеологии и всех официальных, строгих форм жизни и общения. Смех был вытеснен из церковного культа, феодально-государственного чина, общественного этикета и из всех жанров высокой идеологии. Для официальной средневековой культуры характерна односторонняя серьезность тона. Самое содержание средневековой идеологии с ее аскетизмом, мрачным провиденциализмом, с ведущей ролью в ней таких категорий, как грех, искупление, страдание, и самый характер освященного этой идеологией феодального строя с его формами крайнего угнетения и устрашения, – определили эту исключительную серьезность. Серьезность утверждалась как единственная форма для выражения истины,

добра и вообще всего существенного, значительного и важного. Страх, благоговение, смирение и т.п. – таковы были тона и оттенки этой серьезности»¹⁷.

¹⁷ Бахтин М. *Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса*. М., 1965. С. 82.

Бахтин очертил общие функции смеха в историческом развитии культуры и литературы, утверждая, что «настоящий смех, амбивалентный и универсальный, не отрицает серьезности, а очищает и восполняет ее. Очищает от догматизма, односторонности, окостенелости, от фанатизма и категоричности, от элементов страха или устрашения, от дидактизма, от наивности и иллюзий, от дурной одноплановости и однозначности, от глупой истошности. Смех не дает серьезности застыть и оторваться от незавершимой целостности бытия. Он восстанавливает эту амбивалентную целостность»¹⁸. Иными словами, Бахтин утверждает, что серьезность и смех не противоречат друг другу, а скорее являются двумя сторонами одного и того же единства. В принципе данное положение полностью соответствует особенностям политической культуры любой нации.

¹⁸ Там же. С. 134–135.

Примечательно, что смех над собой в современной российской политике практически отсутствует. Лужковское ироническое замечание – «кепка защищает некоторые обнаженные части моего тела» – фактически является исключением. Последнее продиктовано, разумеется, как относительно высокой интеллектуальной культурой мэра Москвы, так и присущей ему абсолютной уверенностью в своих силах. У нас, к сожалению, практически нет политиков, которые сочетали бы в себе оба этих элемента плюс, конечно, чувство юмора.

Еще одно исключение – Лебедь. Осенью 1995 г. он очень неосторожно ответил на вопрос журналистов о том, что он думает относительно проекта закона о разделе продукции, анекдотом, который заканчивался фразой: «Не делайте умное лицо, вы же советский офицер». Эта откровенность обошлась будущему губернатору Красноярской области дорого: нефтяники надолго запомнили его специфическое высказывание, а сам Лебедь до сих пор старается воздерживаться от разговоров на «нефтяную» тему.

Вообще с чувством юмора у советских и российских руководителей дело обстояло далеко не лучшим образом. В воспоминаниях о Ленине, Сталине, Брежневе, Андропове, Черненко и Ельцине нельзя найти примеров удачных шуток «первых лиц». (Исключение – Хрущев). Характерно и отсутствие у вождей иронии и метких афористичных фраз.

Сказанное не означает, разумеется, полного отсутствия чувства юмора у советских и российских руководителей. Известно, например, что Брежнев с удовольствием слушал анекдоты о самом себе, рассказанные его близкими, хотя, разумеется, родственники и друзья воздерживались от воспроизведения обидных для него историй. В мемуарах помощников и членов окружения «первых лиц» можно найти и упоминания о том, что те шутили, но суть сказанного генеральными секретарями или президентом России в подавляющем большинстве случаев не передается. Очевидно, «не запомнилось».

Вот разве что шутка, которую учинил Брежнев с советником Г.Киссинджером Сонненфелдтом. Тот имел неосторожность похвалиться своими швейцарскими часами. «Неожиданно Брежнев, закрыв свои наручные часы рукой, предложил Сонненфелдту обменяться – не глядя – часами. Последний сперва заколебался, но затем, видимо, решив, что у Генерального секретаря ЦК КПСС должны быть дорогие часы, согласился на обмен. Сделка состоялась. Оказалось, что Брежнев носил простые советские часы, подаренные ему коллективом какого-то часового завода. Часы были хорошего качества, но со стальным, а не золотым корпусом как, видимо, ожидал американец»¹⁹.

¹⁹ Добрынин А.Ф. *Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986 гг.)*. М., 1996. С. 252.

Еще одно исключение составляет известная шутка, которую сыграл со своим пресс-секретарем В.Костиковым Ельцин. По словам А.Коржакова, президент во время прогулки по Енисею беседовал на теплоходе с губернатором Красноярского края В.Зубовым. Подвыпивший Костиков начал приставать к ним с шуточками. Ельцин в ответ порекомендовал тому не мешать. Пресс-секретарь не послушался. И тогда глава государства не выдержал: «Костикова за борт!» П.Бородин, М.Барсуков и А.Шевченко схватили пресс-секретаря и раскачали. А затем, по команде президента, «спокойно выкинули за борт. Слава Богу, что хорошо раскачали – верхняя палуба была гораздо уже, чем средняя и нижняя. А если бы Вячеслава просто перевалили за борт, он мог разбиться. Я же в этот момент стоял на второй палубе и любовался сибирским пейзажем. Вдруг мимо меня пролетел Костиков, отчаянно дрыгая руками и ногами. В первое мгновение я принял его за огромную птицу»²⁰.

²⁰ Коржаков А. *Борис Ельцин: от заката до рассвета*. М., 1997. С. 253.

В данном эпизоде Ельцин продемонстрировал такое же понимание чувства юмора, каким некогда обладали Иван Грозный и Петр Первый. Они тоже обожали кого-нибудь куда-нибудь бросить и кому-нибудь что-нибудь на сидение подложить. Во время общения с ближайшими соратниками не чужды были похожим шуткам Сталин и Хрущев. Последний, впрочем, был единственным советским лидером, шутившим и на куда более высоком уровне, чем свойственный обычно вождям партии и народа. Его своеобразное чувство юмора проявлялось даже в политике. Умел он и разыгрывать, причем весьма специфически, как это следует из его знаменитой семидневной поездки по США в 1959 г.

Сопровождавший Хрущева специальный представитель президента Г.К.Лодж, естественно, исправно докладывал своему шефу Д.Эйзенхауэру обо всем, что говорил советский лидер. Тот «знал это и постоянно дразнил Лоджа. То вдруг невзначай скажет, что Советский Союз имеет беспрепятственный доступ к правительственным линиям коммуникаций США. А то и намекнет, что в руководстве ЦРУ сидит агент КГБ. Однажды он рассказал Лоджу, который замер от внимания, что русские строят куда более мощные атомные подлодки, чем американцы. В другой раз Хрущев утверждал, что Советский Союз имеет все виды атомного оружия, которые только можно создать.

Скоро то же самое будет с ракетами. Но число ракет не назвал – просто сказал, что их много. Что касается тактического ядерного оружия, то он заявил обескураженному Лоджу, что Советский Союз вовсе не намерен его иметь: слишком дорогое удовольствие. То же относится и к ядерной энергии в мирных целях. Он рассказал, что Москва прекратила работы по созданию атомных электростанций и вместо них решила полагаться на газ, нефть и уголь. Естественно, Лодж тут же бежал и докладывал об этих “откровениях” Хрущева. А Хрущев лишь довольно посмеивался»²¹.

²¹ Гриневский О.
Указ. соч. С. 68.

Хрущев никогда не лез за словом в карман и временами демонстрировал неплохое чувство юмора. «На каких языках вы говорите, господин премьер-министр?» – спросил его Лодж. «На своем, на русском», – быстро отреагировал первый секретарь ЦК КПСС. А шеф ЦРУ А. Даллес как-то решил подшутить над Хрущевым и со значени-ем спросил, смотрит ли советский лидер иногда его разведывательные сообщения. Хрущев моментально нашелся: «Думаю, мы получаем одну и ту же информацию от тех же самых людей»²².

²² Там же. С. 77, 50.

«Первые лица» в России язвили и между собой. В конце ноября 1991 г. во время новоогаревских переговоров с лидерами тогда еще союзных республик произошел конфликт, и Горбачев в ярости заявил, что покидает зал, мол, пусть они сами теперь решают судьбу СССР. Вискули еще не стали фактом истории (несколько дней в запасе страна пока имела), и республиканские руководители отправили к союзному президенту «мирную делегацию» из Ельцина и С.Шушкевича. Российский лидер произнес: «Вот, пришли на поклон к князю, к хану». Горбачев в долгу не остался: «Брось, царь Борис, давай по делу»²³.

²³ Черняев А.С.
1991 год: дневник
помощника
Президента СССР.
М., 1997. С. 295.

Своеобразным апофеозом бурного начала 90-х стало образование в России Партии любителей пива, что само по себе является проявлением политической смеховой стихии. Один из основателей партии К.Калачев так вспоминал об этом событии: «Начинали мы с Димой Шестаковым. В 1993 году я попал в списки ПРЕС по Северному округу Москвы. Потратив на кампанию около 3 тыс. долларов, получил около 20 тыс. голосов. Дима баллотировался от Гражданского союза в Московскую думу. Тоже не прошел. Мы случайно встретились: он шел к пивному ларьку, и я туда же. Пили мы пиво с горя, и я его спросил: “Дима, ты за свою партию голосовал?” Он говорит: “Нет, хоть я и баллотировался от ГС, но за Вольского голосовать противно”. Я говорю, что тоже не голосовал, и спросил: “Дима, а есть ли такая партия, которая могла бы объединять столь разных людей, как мы?” Да, говорит, есть – любителей пива. Ну, я пришел домой и сочинил сообщение для информагентств о создании оргкомитета партии. Председателем назначил Шестакова... Мы из ИТАР-ТАСС получили факс сразу с большим списком имен, что они вступают в нашу партию. Я вообще сначала не хотел партию делать – мол, пошутили и будет. Но потом, когда мы проводили первую пресс-конференцию, я увидел там четырнадцать камер – все отечественные каналы и с деся-

²⁴ *Сегодня.*
9.10.1999.

ток иностранных. Тут я сломался, сел в президиум и сказал, что есть такая партия, Шестаков ее председатель, а я – генсек»²⁴.

Новые формы политического юмора появились в России в конце 90-х годов. Они оформились благодаря технологическому прогрессу (например, Интернету с его специфическими возможностями) и развитию рекламного дела. Так, перед выборами 1999 г. в Государственную Думу и мэра Москвы отличились противники Лужкова. В его день рождения они предоставили ему «кибер-подарок» – двойник его сайта в Интернете. Была обыграна возможность разного написания русской буквы «ж» в латинской транскрипции. Адрес настоящего сайта московского мэра luzhkov.ru, «двойника» – lujkov.ru. При этом «двойник» был полон карикатур, юмора и негативной информации о Лужкове и его окружении²⁵.

²⁵ *Независимая газета.*
23.09.1999.

Обращению к новым политическим технологиям благоприятствовало повышение напряженности политической борьбы, вызванное критикой так называемой семьи. В июле 1999 г. на Кутузовском проспекте в Москве появились два билборда с изображением Р.Абрамовича, выполнявшего, по данным прессы, в ту пору функции одного из кассиров ближнего окружения Ельцина. Надписи на плакатах гласили: «Рома думает о семье. Семья думает о Роме. Поздравляем! P.S. Рома выбрал классное место». Плакат сняли, как только в рекламное агентство АТОР, заведовавшее наружной рекламой в столице, пришел факс из руководимой Абрамовичем «Сибнефти» с требованием прекратить незаконное использование образа и имени члена правления компании. Газете «Коммерсантъ» удалось выяснить, что заказ сделало некое частное лицо, которому плакаты обошлись в 1600 долларов (стоимость изготовления плюс месячная демонстрация)²⁶. Хотя плакат сняли через сутки, нарушив договор, никто за своими деньгами не пришел.

²⁶ *Коммерсантъ.*
24.07.1999.

Так в России появился тип дорогостоящего малотиражного политического юмора. Очевидно, что его автор рассчитывал не на широкое тиражирование (и тем более славу и паблисити), а на узконаправленное воздействие своей инициативы. Главный объект – сам Абрамович плюс относительно узкий круг людей, пользующихся автомобильным транспортом на престижном Кутузовском проспекте. Правда, благодаря прессе, в том числе телевидению, билборды получили довольно широкую известность.

В том же июле 1999 г. плакатная война против «семьи» была продолжена. В Москве снова появились билборды, на этот раз с цитатами из «Маленького принца» Антуана де Сент-Экзюпери, призывающие к «выкорчевыванию баоБАБов» (последние три буквы были заглавными). Еще один вариант объявления выглядел следующим образом: «...Терпеть не могу читать людям нравоучения. Но мало кто знает, чем грозят баоБАБы, а опасность, которой подвергается всякий, кто попадет на астероид, очень велика – вот почему на сей раз я решаюсь изменить своей обычной сдержанности. “Дети! – говорю я. – Берегитесь баоБАБов”. Я хочу предупредить моих друзей об опасности,

которая давно уже их подстерегает, а они даже не подозревают о ней, как не подозревал прежде и я. Антуан де Сент-Экзюпери».

Как известно, столичная пресса давно окрестила еще одного кассира «семьи» – Бориса Абрамовича Березовского – БАБом, так что аналогия была предельно ясна для всех, причастных к миру политики. Заказ на месячное размещение 20 наружных рекламных плакатов под общим лозунгом «Чистая планета» был сделан тому же рекламному агентству, которое размещало биллборд про Абрамовича. Единственным условием заказчика, которым опять же оказалось частное лицо, стало размещение плакатов на оживленных и престижных трассах: Рублевском шоссе, Кутузовском и Ленинском проспектах, Новом Арбате и даже напротив зоопарка. Причем в таких местах, где часты пробки, так как на ходу автомобилисты прочитать текст рекламы не всегда в состоянии из-за ее перегруженности текстом.

Таким образом, последние годы обогатили российский политический смех некоторыми новыми специфическими формами. Часть из них свойственна современному политическому юмору вообще (обращение к Интернету), по крайней мере одно является, кажется, специфически российским (использование биллбордов). По моим наблюдениям, в предвыборной парламентской кампании 1999 г. обращения к политическому смеху по частоте превысили аналогичные кампании 1993 и 1995 г. В целом политическая смеховая стихия в России, безусловно, меняется и становится – при сохранении национальной специфики – более похожей на образцы, которые господствуют в западных демократиях.

**«Национальные»
табу в смеховой
политической
культуре:
Запад и Россия**

Если верно, что смеховая часть культуры вообще и политической культуры в частности – это реальность, с которой сталкивается каждый причастный к политике человек, а смеховая политическая культура как часть политической культуры существует, несмотря на то, что она прежде никем не исследовалась, то мы имеем дело с очень интересным явлением как в классических, так и «обыденных», «рядовых» исследованиях политической культуры. Как видно из приведенных примеров, в принципе смеховая часть политической культуры распределена по всем трем основным компонентам ее структуры (если, конечно, принять алмондовское понимание ее): познавательным, эмоциональным и оценочным ориентациям. Действительно, возможно познание политики путем смеха. Другое дело, что четко структурировать место смеховой части в политической культуре на данном этапе исследования невозможно.

Как бы то ни было, определенные выводы на пути вычленения хотя бы некоторых особенностей российской смеховой политической культуры все же можно сделать. Повторим, что смех, в том числе и политический, безусловно, наднациональное явление. В подавляющем большинстве случаев представители различных обществ, используя юмор, с легкостью находят общий язык. Вмес-

те с тем существуют и национальные школы юмора, в том числе политического. Как уже отмечалось, то, что кажется вполне приемлемым в демократических США, совершенно невозможно в демократизирующейся России. А государственных лидеров последней вообще характеризует повышенная политическая корректность в вопросах юмора. Никого из них нельзя сравнить, скажем, с Аденауэром, который однажды назвал пруссаков славянами, не помнящими своих предков. Скандал был грандиозный, однако дело удалось замять. Уже после этого немецкий канцлер как-то сказал, что немцы – это те же бельгийцы, только обуреваемые чувством мегаломании. Этому избиратели ему простить не смогли. Аденауэру пришлось публично извиняться.

Различие между Западом и Россией в политическом смехе хорошо видно на примере существующих формальных и неформальных табу. Данный момент необходимо иметь в виду при любом анализе характера и места политического смеха в российской политической культуре. Вообще табу в нашей стране до недавних времен были строже и распространялись на значительно большее число сфер, нежели в западных демократических государствах. Скажем, весьма популярные среди телеаудитории Великобритании и Франции программы «Куклы» были абсолютно невозможны в СССР. В постсоветский период, однако, появилась и даже стала весьма популярной российская версия «Кукол» на телеканале НТВ. Зато и в советской, и в современной России немыслимы такие специфические проявления американского юмора, как, например, промышленный выпуск туалетной бумаги с портретами президента.

От Запада смеховую культуру России отличает и часто встречающаяся тема секса в имеющихся примерах политического юмора. Скажем, фраза тогдашнего первого вице-премьера Б. Немцова – «коммунисты, как женщины преклонного возраста, предпринимают последнюю отчаянную попытку запрыгнуть в паровоз исполнительной власти» – не только смешна сама по себе в силу оговорки ее автора (первым в истории заметившим, что «женщины преклонного возраста» имеют странную склонность запрыгивать на паровозы), но и откровенно эксплуатирует сексистскую проблематику. Более того, будь она произнесена должностным лицом в какой-нибудь демократической стране, ее автор моментально был бы обвинен в нарушении политической корректности и наверняка лишился бы не только своего поста, но и шансов быть избранным куда-либо.

В начале 1997 г. в Государственной Думе возникла перепалка между В. Илюхиным и С. Юшенковым, в ходе которой первый предложил второму поработать санитаркой в медицинском центре, где планировалось провести медицинское освидетельствование главы государства. Юшенков в ответ сразу же обвинил члена коммунистической фракции в нетрадиционной сексуальной ориентации. То, что может

показаться смешным в современной России, совершенно неприемлемо, например, в Канаде, где одинаково ревностно защищаются права и интересы гомосексуалистов и остальных граждан.

Отличился во время предвыборной кампании в Красноярском крае и кандидат в губернаторы Лебедь. Подвергаясь нападкам своего оппонента, лидера Конгресса русских общин Д.Рогозина, поддерживавшего тогда главу администрации Зубова, отставной генерал как-то выразился следующим образом: «Дима как российский триколор. Был у красных, у белых, осталось податься к голубым». Примечательно, что, по свидетельству профессора В.Малышкова, этот пассаж генерала был придуман заранее и горячо одобрен его имиджмейкерами²⁷. Ну и, конечно, часто затрагивает тему секса лидер ЛДПР В.Жириновский («Женщины России... А «девочки России» не хотите? Или они уже с пеленок женщинами становятся?»).

²⁷ Малышков В.И. Сибирский вектор. М., 1998. С. 96.

Иными словами, России пока не свойственен существующий на Западе категорический запрет на чрезмерную и навязчивую эксплуатацию в политике темы секса. Основная причина этого явления кроется, видимо, в том, что общество не прошло феминистский этап формирования национальной политической культуры с его жесткими ориентирами на равенство полов.

Есть принципиальные отличия между Западом и Россией в использовании политического юмора прессой. Скажем, в области карикатур западная журналистика ограничений практически не знает. В то же время известные (и малоизвестные) телеведущие в странах Северной Америки и Западной Европы никогда не прибегнут в так называемых серьезных информационных и аналитических программах к такому тотальному осмеянию политических противников своих нанимателей, как это происходит в современной России. В программах С.Доренко и Н.Сванидзе табу на всемерное поношение оппонентов практически не существует.

В то же время в «большой» российской политике не встречается (или практически не встречается) смех, вызванный обнаружением комического в этнической сфере. Юмор такого рода не одобряется подавляющей частью политического сообщества, о чем свидетельствуют скандалы, связанные с отдельными высказываниями каких-то политиков в адрес некоторых национальностей. И это при том, что на бытовом уровне этнический юмор развит чрезвычайно. Больше того, в подавляющем большинстве постсоветских стран табу на этнический политический смех отсутствует.

Существует также жесткое и практически не нарушаемое табу на политический смех, связанный со сквернословием. В этом принципиальное отличие смеха политического от, условно говоря, бытового. Данный запрет был вызван, очевидно, общим представлением о приличном и неприличном в обществе и публичной политике. Отметим, что сквернословие относительно широко используется в популярной программе НТВ «Куклы». Вместе с тем данная программа лишь кос-

венным образом связана с миром политики и потому едва ли может быть признана исключением из общего правила.

В целом количество табу на политический смех в современной России существенно меньше, нежели в развитых демократических странах. Причина этого, видимо, заключается в том, что государство переживает переходный период, во время которого отсутствуют устойчивые ориентиры.

Отдельно следует сказать о номенклатурной разновидности политического смеха. «Вышестоящие» в СССР испытывали влияние тех же запретов, которые были адресованы основной массе граждан. Вместе с тем им было позволено больше, чем остальной части общества. Существовал и смех между своими, в ограниченном кругу «высших», и смех последних над «низшими» (и наоборот), но опять-таки в своем ограниченном кругу. Специфические образцы его дала, например, среда комсомольских активистов брежневской эпохи. Не были чужды «особого» остроумия и высшие партийные круги.

Так, Примаков на XIX партийной конференции единственный выступил против знаменитой антиалкогольной кампании. Упомянутый Александров-Агентов, еще остававшийся помощником генерального секретаря Горбачева, отвел «героя дня» в сторону и спрашивает:

«– Любите Гашека?

– Конечно, его герой Швейк – один из самых моих любимых.

– Так вот, – продолжал Александров, – помните, как в кабаках висели портреты Фердинанда, обсиженные мухами? Теперь и ваши портреты в таком же виде будут висеть во всех советских пивных»²⁸.

²⁸ Примаков Е.М.
Указ. соч. С. 28.

Номенклатурный смех, однако, сегодня уже не занимает сколько-нибудь серьезного места в отечественной политической культуре из-за очевидного недостатка – отсутствия публичности. Вместе с тем он едва ли исчезнет вообще: «смех между высшими» существовал и существует во все времена и при любом государственном строе. Скорее всего специфический номенклатурный смех со временем перейдет в особый «смех элиты».